

УДК 34.03

О ПОНЯТИИ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ»

Токарев Владимир Борисович,¹

магистрант юридического факультета,

e-mail: 70161137@online.muiiv.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия

В статье раскрывается понятие «злоупотребление правом», которое часто ошибочно отождествляется с пределами осуществления субъективных прав, отдельными формами злоупотреблений. Статья 10 Гражданского кодекса РФ «Пределы осуществления гражданских прав» не дает определения приведенному понятию, а также критериев определения пределов, как должно следовать из ее названия. Отечественная доктрина злоупотребления правом пока еще не разработана, что влечет сложности в распознавании феномена для правоприменителей, снижает качество отправления правосудия, в связи с чем интерес исследователей к проблеме никогда не снижался. Злоупотребление правом может существовать в разнообразных формах, а раскрытие правовой природы понятия необходимо для распознавания социально вредного и опасного для правового регулирования сложного феномена. Для раскрытия понятия целесообразно применение диалектического метода, сравнительно-правового, историко-правового и телеологического подходов. Недопустимость злоупотребления правом в качестве общеправового принципа, закрепленного в Конституции РФ, определяет необходимость обращения по большей части к общетеоретическим исследованиям.

Ключевые слова: злоупотребление правом, пределы осуществления субъективных прав, шикана, правомерное поведение, правонарушение

ON THE CONCEPT OF "ABUSE OF THE RIGHT"

Tokarev V.B.,¹

master's degree student of the faculty of law,

e-mail: 70161137@online.muiiv.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article reveals the concept of "abuse of the right", which is often mistakenly identified with the limits of the exercise of subjective rights, individual forms of abuse. Article 10 of the Civil code of Russian Federation, which is named as «Limits to the exercise of civil rights», does not define the given concept, the criteria for determining the limits, as its name should imply. The domestic doctrine of abuse of the right has not yet been developed, which leads to difficulties in recognizing the phenomenon for law enforcement officers, reduces the quality of the administration of justice, therefore the interest of researchers in the problem has never decreased. Abuse of the right can exist in various forms, and disclosure of the legal nature of the concept is necessary to recognize a complex phenomenon that is socially harmful and dangerous for legal regulation. To reveal the concept, it is advisable to use the dialectical method, comparative legal, historical-legal and teleological approaches. The inadmissibility of abuse of the right as a general legal principle, which is enshrined in the Constitution of Russian Federation, determines the need to refer mostly to general theoretical research.

Keywords: abuse of the right, limits on the exercise of subjective rights, chicane, lawful conduct, offence

DOI 10.21777/2587-9472-2020-3-64-70

Феномен «злоупотребление правом» был известен еще римскому праву, причем в весьма разнообразных формах, среди которых так называемая шикана – действие с исключительным намерением причинить вред другому лицу: «Я строю на границе своего участка высокую стену с исключительной целью лишить света окна вашего дома» [1, с. 115].

В.П. Грибанов, являющийся основоположником теории пределов осуществления гражданских субъективных прав, название которой нашло отражение в ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), тем не менее полагал, что в целом «римское право еще не знает самого понятия злоупотребления правом и не формулирует недозволенность злоупотребления правом в качестве общего принципа права» [2, с. 29].

Однако анализ первоисточников позволяет сделать и иной вывод. Так, О.А. Поротиковой было показано, как из отдельных казусов складывается довольно устойчивый комплекс требований к осуществлению гражданских прав: «необходимость осуществлять субъективное право с осмотрительностью, недопустимость осуществлять право без заинтересованности в нем лишь с целью причинить ущерб, условия квалификации ненадлежащего осуществления права» [3, с. 107]. Учитывая, что такой комплекс складывался постепенно преторскими эдиктами, вынужденными преодолевать писаную презумпцию «тот, кто пользуется своим правом, никому не причиняет вреда» («*qui iure suo utitur, neminem laedit*») [2, с. 26] в целях разумного разрешения дела, получаем весьма устойчивую тенденцию формирования нового, непоименованного принципа.

По мнению А.В. Волкова, термины «зловредность», «добрая совесть», «добрые нравы» в римских памятниках права используются неоднократно с целью поиска критериев соответствия права здравому смыслу, как общему принципу добросовестного осуществления права [4, с. 30]. В современных реалиях это означает судебское усмотрение в случаях, когда суду приходится искать некую общую норму-принцип в отсутствие норм специальных.

Наличие общего запрета шиканы и одновременно специального запрета на злоупотребление правом собственности впервые среди европейских кодификаций появилось в Прусском земском уложении 1794 г. «Наличие общих и специальных запретов в настоящее время характерно для законодательства различных правовых систем и не в коей мере не должно рассматриваться как недостаток», и, как обр-азно отмечает А.А. Малиновский, «общий запрет – это «дух» гражданского права, а запрет специальный – его «буква»» [5, с. 39].

В Прусском уложении впервые появляется назначение субъективного права – общественное благо, во имя которого ограничивается абсолютное право собственности землевладельца введением запрета на бесхозяйственное владение: «Всякий земледелец обязан культивировать свой участок, и в интересах удовлетворения общей нужды он может быть принужден к этому» [1, с. 112]. В уложении признаком шиканы по-прежнему является умысел на причинение вреда, даже угрозы причинения вреда: если земля не будет обрабатываться, может настать голод, что выявляется субъективным предположением. Для правоприменителя задача решалась следующим образом: если из обстоятельств дела следовало, что у собственника был выбор из нескольких способов осуществления своего права, но им был выбран способ «со злым умыслом», налицо злоупотребление правом.

Германское гражданское уложение 1896 г. (далее – ГГУ) было очередным шагом: «Осуществление права недопустимо, если оно может иметь своей исключительной целью причинение вреда другому» (§ 226 ГГУ); «Тот, кто действиями, грешащими против добрых нравов, умышленно причиняет вред другому лицу, обязан возместить последнему причиненный вред» (§ 826 ГГУ) [1, с. 115, 277].

И.А. Покровский лексическим анализом показывает, что помимо действия она распространяется и на бездействие [1, с. 282]. Отсюда следует, что средством злоупотребления признается само субъективное право, а злоупотребительными действиями – любые действия, направленные на безнравственную цель. Первоначально германская судебная практика столкнулась с тем, что безнравственным может быть и отказ заключения договора, и социальная борьба рабочих.

К началу XX в. дальше всех продвинулось Гражданское уложение Швейцарии 1907 г.: «Всякий при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей должен поступать по доброй совести. Очевидное злоупотребление правом недопустимо» [1, с. 116]. Классическая критика таких «каучуковых», по определению И.А. Покровского, норм весьма убедительна: «Всякую область превратит в область дискреционного судебного усмотрения и юридической неизвестности ... не будет регулиро-

вать общественного порядка» [1, с. 280]. Однако § 826 ГГУ уже в течение последующего десятилетия был воспринят в обязательственном, вещном, семейном праве, показал свою полезность и не исчерпал свои возможности [4, с. 40]. И.А. Покровский увидел, что «в широком «объективном» понимании шиканы непременно проглянет мысль о некоторой социальной функции всякого права», но отрицал наличие содержания в этой функции [1, с. 119].

В Гражданском кодексе Испании 1889 г. злоупотребление правом определяется как «любое действие или бездействие, осуществляемое с намерением, явно выходящим за нормальные границы осуществления права» [5, с. 37], что однозначно выходит за рамки шиканы – причинение вреда даже не упоминается.

Иным образом пресечение злоупотреблений гражданским правом складывалось в законодательстве Франции. Кодекс Наполеона 1804 г. не содержал запрета на злоупотребление правом. Однако явление существовало, а французская судебная практика вынужденно обходилась нормами о деликте, причем настолько успешно, что во второй половине XIX в. выработала и широко применяла понятие «шикана» как осуществление субъективного права с целью причинения вреда другому, «злоупотребление правом» либо осуществление права «с нарушением его пределов либо содержания» [2, с. 36]. Вероятно, именно судебная практика оказала влияние на понимание злоупотребления правом во французской доктрине: «Не может признаваться законным осуществление права действия, совершаемое лицом без ощутимой и правомерной для себя выгоды, но имеющее в качестве единственно возможного результата причинение вреда другому лицу» [1, с. 116]. Данная формулировка – поправка в очередную редакцию Гражданского кодекса Франции, хотя и не реализованная. Ее важно упомянуть в связи с тем, что устанавливается не намерение субъекта, а факт отсутствия выгоды. Кроме того, речь идет не о факте причинения вреда, а об угрозе причинения вреда, что в наибольшей степени соответствует цели законодателя – пресечение попыток злоупотребления правом.

В законодательстве дореволюционной России не существовало запрета ни на злоупотребление правом, ни на шикану в ее классическом «узком» понимании – исключительно с намерением нанесения вреда другому лицу. Следует отметить, что в Соборном уложении 1649 г. имеются нормы, предписывающие не чинить препятствий при использовании угодий, постройке домов, но к концу XIX в. их уже не существовало. Известны отдельные случаи, когда Сенат, являвшийся высшей судебной инстанцией, разрешал соседские споры исходя из превышения законного права, но в целом довлел принцип, согласно которому никто не отвечает за действия, совершенные в пределах своего права. Итогом попыток российских цивилистов начала XX в. ввести запрет на злоупотребление правом в проект Гражданского уложения было отрицательное заключение редакционной комиссии. В проект обязательственного права запретительная норма была утверждена, но в самом «узком» виде – классической шиканы, однако в связи с событиями 1917 г. проект не был принят [4, с. 52–55].

Раскрытие сущности злоупотребления правом в его историческом развитии следует зафиксировать на рубеже XIX–XX вв., когда сформировалось следующее доктринальное представление об изучаемом феномене:

- 1) шикана является частным случаем злоупотребления правом, одной из форм;
- 2) формы злоупотребления субъективным правом слишком разнообразны, что требует наличия общих норм-принципов, выявления назначения нормы права для признания их правонарушениями и соотнесения с нравственными, неправовыми категориями (совести, добра, морали);
- 3) эгоистический экономический интерес признается законным, а целесообразность действий субъектов при конфликте интересов остается на усмотрение суда.

Запрет на злоупотребление правом был освоен рядом национальных европейских законодательств, причем даже в отсутствие нормативного запрета. Дальнейшее использование сравнительно-правового метода не представляется необходимым, т.к. отечественное развитие феномена злоупотребления правом происходило в весьма любопытном направлении.

Советское правоведение проводило фундаментальные научные исследования в области злоупотребления гражданскими правами. Следует отметить, что тезисы об отсутствии необходимости в самом понятии «злоупотребление правом» также принадлежат этому периоду времени. Не останавливаясь на подобных выводах, которые ничего, кроме факта изучения явления, не доказывают, обратимся к ключевым научным достижениям.

А.А. Агарков, считая термин лишенным правового смысла, утверждал, что действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершены за его пределами [Цит. по: 2, с. 36]. Теория пределов осуществления гражданских прав своими корнями уходит именно к позиции А.А. Агаркова, который подразделял пределы на внешние границы права, очерченные законом, и внутренние границы, определяемые судом в каждом конкретном случае. Злоупотребление происходит тогда, когда субъект остается во внешних границах, но преступает границы внутренние. Данного подхода, в несколько измененном виде, придерживаются большинство современных исследователей, в частности О.А. Поротикова [3, с. 61], А.В. Волков [4, с. 278], А.А. Малиновский [5, с. 121], Н.А. Дурново [6, с. 61–62].

Отправной точкой для современных отечественных цивилистов является определение феномена, которое было разработано В.П. Грибановым в 60–70-х гг. XX в.: «Злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [2, с. 63]. Границы (пределы) возникают вследствие различия между мерой возможного поведения управомоченного лица (общего типа поведения, дозволенного законом) и реализацией этих возможностей (действительными действиями субъекта). Он пояснял, что «проблема злоупотребления правом связана не с субъективным правом вообще, не с его содержанием, а с процессом его реализации, с его осуществлением» [2, с. 43].

Основным недостатком приведенной формулировки является отсутствие критериев определения пределов, что влечет невозможность его практического применения, – до сих пор не преодолен. Споры о видах таких границ (пределов осуществления гражданских прав), критериев их определения составляют содержание научных дискуссий по настоящее время, причем до сих пор не выработано единообразного мнения.

Для выявления сущности феномена помимо теории пределов осуществления гражданских прав были разработаны и другие теории: целевых прав-обязанностей, «легальной видимости», теория интереса, детальному анализу недостатков которых, включая теорию пределов, посвящена работа С.Д. Радченко [7]. Принимая во внимание, что ни одна из существующих теорий не свободна от существенных недостатков, для цели понимания феномена более целесообразно обратиться к тем его аспектам, которые были выявлены в ходе эволюционного развития явления или связаны с классическим определением.

Уже первый Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 1 ввел назначение права – социально-хозяйственное: «Гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением» [Цит. по: 2, с. 64]. «Социально-хозяйственное назначение» включает и назначение социальное, которое правоведы того времени применяли даже к сфере договорных отношений. Если отбросить политические аспекты, это означает, что предоставленные права не подлежат правовой охране в том случае, если они осуществляются не по назначению. В приведенной норме объективный критерий – причинение вреда – отсутствует, так же как и субъективная сторона – умысел на причинение вреда. Имеет место норма-принцип, однако норма слишком абстрактна и не может решить задачу определения границ предоставленного права. Возникает та самая опасность «прочности правопорядка» вследствие судейского произвола, которой опасался А.А. Агарков [Цит. по: 5, с. 49].

Вместе с тем назначение права неразрывно связывалось с целью, закрепленной в ст. 4 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., – развитие производительных сил страны. Цель является тем результатом, который законодатель стремится получить. Таким образом, гражданские субъективные права предоставлялись для определенной законом цели. В результате при отсутствии критериев определения того, что есть «социально-хозяйственное назначение» права, правоприменитель мог путем экстраполяции действий субъекта на возможный их результат определить, насколько получаемый результат, причем, заметим, не только полученный, но и предполагаемый, соответствует цели законодателя.

К примеру, судебной практикой тех лет злоупотреблением правом могло признаваться бесхозяйственное содержание строения [2, с. 61]. Аналогичные нормы содержали и Основы гражданского законодательства СССР 1961 и 1991 гг., в которых тоже отсутствовали критерии определения пределов. С некоторыми допущениями можно заключить, что судебная практика тех лет выработала понимание решения проблемы злоупотребления правом. Трудно не согласиться с выводом Н.А. Дурново: если за-

конодатель указывает назначение правовой нормы, а также то, ради какой цели оно предоставляется или не должно предоставляться, проблема определения пределов субъективного права решена. Однако как указать в каждом административном акте, в каждом договоре назначение и цель [6, с. 40]?

При использовании законодателем назначения и цели правовой нормы происходит качественный скачок в понимании феномена злоупотребления правом. На всем протяжении развития данного понятия применяется философская категория зла как противопоставления нравственному началу. Именно «зло», трансформированное в правовую категорию, и стало квалифицирующим признаком злоупотребления правом. Более того, О.Н. Бармина, выявляя структурные связи явления, показывает, что злоупотребление правом следует рассматривать как «общеправовую категорию, посягающую на конструктивные принципы правового регулирования» [8, с. 22, 164].

Позиции отечественных правоведов сходятся в едином мнении о том, что злоупотребление правом всегда является недобросовестным, социально вредоносным поведением, посягающим на общие принципы правового регулирования, назначения права, которое преследует неприемлемые цели правосуществования.

Дальнейшее изучение соотносимости нравственных категорий и норм права разводит правоведов на разные позиции. Крайние взгляды выражены в работах С.Г. Зайцевой и Н.А. Дурново. Так, С.Г. Зайцева категорически отрицает возможность отнесения к злоупотреблению правом любых ситуаций, «противоречащих нормам морали и другим социальным нормам, действующим в обществе» [9, с. 9]. Н.А. Дурново, напротив, полагает необходимость установления обязанности управомоченного лица соразмерять свое поведение с нормами морали, которыми могут определяться пределы осуществления прав, а также считает, что «общественное порицание» недопустимо [6, с. 52–53]. Последнее нельзя отнести к непрактичным фантазиям, т.к. отечественное правоведение имеет длительную традицию использования в гражданском законодательстве «правил социалистического общежития» и «норм коммунистической морали» [2, с. 85].

Примером наличия назначения нормы может служить ст. 293 ГК РФ, которая гласит, что субъективное право собственника признается неправомерно используемым, т.е. за пределами осуществления субъективного права, а если жилое помещение используется собственником не по назначению, в том числе бесхозяйственное обращение, допускается его разрушение¹.

Позиции правоведов сходятся в том, что недопустимость злоупотребления правом как общий принцип закреплена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая гласит, что осуществление прав и свобод человека не должно нарушать прав, свобод других лиц и имеет воплощение на практике. Так, отказывая в парламентской неприкосновенности депутату Законодательного собрания Красноярского края А.П. Быкову, Конституционный суд РФ изложил следующую позицию: «... в силу недопустимости общеправового принципа злоупотребления правом, неприкосновенность не может служить основанием для освобождения от ответственности за публичные оскорбления, клевету и другие подобные им несовместимые с назначением данного института...»².

Соглашаясь в том, что вредоносность поведения определяет сущность злоупотребления правом, при попытке определить степень этой вредоносности позиции исследователей вновь расходятся. Классическое определение относит злоупотребление правом к правонарушениям, что одни правоведы не подвергают сомнению [9, с. 9], другие же считают особым видом правового поведения [6, с. 138], а третьи полагают, что оно не является правонарушением [8, с. 15]. Анализ приводимых обоснований позволяет заключить, что в каждом случае вывод формируется исходя из тех критериев определения пределов прав либо классификации форм злоупотреблений, которые исследователь берет за основу, что несколько не приближает к пониманию феномена.

¹ Гражданский кодекс РФ (ч. 1) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 11.12.2020).

² Постановление Конституционного суда РФ от 12.04.2002 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного суда Российской Федерации и Законодательного собрания Красноярского края» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36278 (дата обращения: 06.12.2020).

Представляется, что ближе всех к выявлению сущности феномена подводит концепция А.А. Малиновского, которая заключается в следующем. Поведение субъекта может быть либо правомерным, либо противоправным, когда законодатель определяет его социально опасным и прописывает в запрещающих императивных правовых нормах. Законодательное регулирование этих типов поведения различается: «Правомерное поведение регламентировано менее детально, чем противоправное, поскольку диспозитивный метод правового регулирования предоставляет субъекту большую свободу усмотрения, чем императивный» [5, с. 242].

Следовательно, поведение может быть правомерным, но при этом социально вредным, т.к. законодатель в данный момент времени не признал его настолько вредоносным, чтобы перевести в противоправные. В этой ситуации и возникает явление, называемое злоупотреблением субъективным гражданским правом, – пока еще отсутствует запретительная специальная норма. Приведенное явление А.А. Малиновский определяет как «правомерное злоупотребление правом», возникновение которого объясняется формально-юридическими причинами. Кроме того, хотя назначение и цель предоставленного права возможно вывести из отраслевых принципов, тем не менее они не всегда ясно прописаны. Субъект действует вопреки не прописанной или неоднозначно понимаемой цели, а его действия не являются противоправными либо правонарушением. Подобное поведение А.А. Малиновский рассматривает в качестве социального отклонения [5, с. 257–258].

Сложилась парадоксальная ситуация: общеправовой принцип закреплен на конституциональном уровне, теоретическая разработка отсутствует, соответственно, возникает проблема с отраслевыми нормами. В цепочке «доктрина – принцип – правовая норма» выпало первое звено [5, с. 206]. В результате, как утверждает О.Н. Бармина, в конечном звене регулирование имеет бессистемный характер [8, с. 45], что и влечет затруднения у правоприменителей. Получает объяснение тот факт, который отмечала О.А. Поротикова [3, с. 71]: в практике по гражданским делам из типично гражданских правоотношений суды предпочитают ссылаться на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, а не на норму ГК РФ, поскольку конституционная норма содержит наиболее общие пределы осуществления прав, а ст. 10 ГК РФ их вообще не содержит.

Понятие «интерес», как было показано, сопровождало всю эволюцию феномена злоупотребления правом. «Я могу взыскивать с Вас долг, хотя бы мне деньги в данный момент не нужны, а Вы будете вследствие взыскания совершенно разорены», – писал И.А. Покровский на рубеже XIX–XX вв. [1, с. 114], поставив под сомнение охрану законом эгоистического экономического интереса. Взаимосвязь категорий субъективного права и интереса очевидна. В настоящее время законный интерес как правовая категория может выполнять функцию цели, что позволяет определить предел субъективного права [8, с. 134]. Проблема заключается в том, что реализация прав и законных интересов одних лиц не должна превалировать над соблюдением прав и законных интересов других. В противном случае имеет место превышение предела субъективного права через реализацию интереса, который перестает быть законным в силу того, что нарушаются права и законные интересы других лиц. Задача состоит в том, чтобы распознать злоупотребление правом в процессе его правоосуществления.

В заключение следует отметить, что проблема злоупотребления субъективным гражданским правом возникает в тот момент, когда субъект наделяется им и имеет возможность использовать его в столкновении с соответствующими правами других субъектов. Злоупотребление правом – всегда волевое действие, действие с незаконной целью, именно поэтому оно является действием без законного интереса. С момента введения в гражданское законодательство РФ понятия «злоупотребление правом» научное сообщество пока не пришло к единому мнению, определяющему его, а также формы его существования. Кроме того, имеются разночтения в понимании сущности явления в различных отраслях права, в связи с чем научный прорыв в теоретических разработках находится, вероятно, за теорией общего права. К последним относится исследование А.А. Малиновского, в котором наиболее блестящим образом раскрывается природа явления и отстаивается недопустимость злоупотребления правом как общеправового принципа, являющееся фундаментальной работой в форме докторской диссертации.

Таким образом, в сложившихся условиях глубокое понимание правовой природы этого непростого феномена необходимо для его своевременного распознавания, что является ключевым условием для практического применения противодействия путем квалификации поведения в качестве злоупотре-

бления правом, которое может осуществляться в новых, ранее неизвестных и неописанных в научной литературе формах.

Список литературы

1. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – 5-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2009. – 351 с.
2. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
3. *Поротикова О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 256 с.
4. *Волков А.В.* Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами». – Волгоград: Станица-2, 2007. – 352 с.
5. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2009. – 404 с.
6. *Дурново Н.А.* Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2006. – 170 с.
7. *Радченко С.Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 216 с.
8. *Бармина О.Н.* Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Киров, 2014. – 195 с.
9. *Зайцева С.Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Коломна, 2003. – 198 с.

References

1. *Pokrovskij I.A.* Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. – 5-e izd., stereotip. – M.: Statut, 2009. – 351 s.
2. *Gribanov V.P.* Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. – M.: Statut, 2000. – 411 s.
3. *Porotikova O.A.* Problema zloupotrebleniya sub"ektivnym grazhdanskim pravom. – M.: Volters Kluver, 2007. – 256 s.
4. *Volkov A.V.* Teoriya koncepcii «Zloupotreblenie grazhdanskimi pravami». – Volgograd: Stanica-2, 2007. – 352 s.
5. *Malinovskij A.A.* Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom kak yuridicheskij fenomen: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. – M., 2009. – 404 s.
6. *Durnovo N.A.* Zloupotreblenie pravom kak osobyj vid pravovogo povedeniya (teoretiko-pravovoj analiz): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – N. Novgorod, 2006. – 170 s.
7. *Radchenko S.D.* Zloupotreblenie pravom v grazhdanskom prave Rossii. – M.: Volters Kluver, 2010. – 216 s.
8. *Barmina O.N.* Zloupotreblenie pravom kak obshcheppravovaya kategoriya: teoretiko-pravovoj analiz: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – Kirov, 2014. – 195 s.
9. *Zajceva S.G.* «Zloupotreblenie pravom» kak pravovaya kategoriya (voprosy teorii i praktiki): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – Kolomna, 2003. – 198 s.